

НАУКА И ПОЭЗИЯ

Произошедшая в 2020 году пандемия коронавируса хорошо высветила реальную роль науки в современном обществе — лучше, чем любые размышления на этот счет. Так случается в жизни, что заболевший человек, малообразованный и недалекий, обращается к ворожее, использует «чудодейственные средства» и при неудаче потом все же идет в поликлинику. Невольно вспомнишь при этом некрасовские строки: «...спускали родимого в пролубь, под куричий клали насест, всему покорялся как голубь, а плохо — не пьет и не ест...» И сегодня никакие заговоры и молитвы не заменят высокоинтеллектуальной тяжелой работы медицины по исследованию вируса, созданию вакцины, работы с населением и лечению. В результате, как было и с другими пандемиями, равновесие восстановится.

За последние тридцать лет российская наука, имевшая блестящие успехи в прошлом, понесла значительный урон. Пришедшая с перестройкой свобода перемещений и отъезд талантливых ученых за границу, недостаток средств для поддержания науки, снижение уровня образования как в школах, так и в вузах не могли не сказаться. Но и в этих условиях наука развивалась согласно своей внутренней логике развития как часть общемировой, используя новые технические средства, о которых ранее можно было только мечтать. И если мы хотим подлинного возрождения науки в стране, недостаточно для этого только вложения средств и создания новых мощных научных инструментов. Следует подумать и о привлекательности научной карьеры для одаренной молодежи. Как сказал Александр Мелихов, «обаяние науки было создано поэтами в широком смысле этого слова — людьми, умеющими изобразить науку чем-то прекрасным и возвышенным»¹.

Возникает ли сомнение в поэтичности науки? Вероятно, оно возникает у студентов младших курсов филологических факультетов, когда им объясняют отличие научно-технических текстов от художественных. В первых фигурируют термины, имеющие строгое определение, которые в тексте, состоящем из тезисов и аргументации, связаны четкой логикой. Разумеется, читать такие тексты тяжело, особенно неспециалисту в данной области. В художественной литературе, искусстве слова, оно является средством создания образа, и чтение доставляет наслаждение. Помнится, поэт Анатолий Кобенков удивил меня, процитировав строку «шел дождь и два студента». Казалось бы, нарушены грамматика и логика, зато перед читателем предстает картинка: проливной дождь и быстро идущие студенты, согнувшиеся, мокрые и жалкие. Или правы царскосельские лицеисты, высмеивавшие образ рассеянного полусумасшедшего учено-

---

Алексей Алексеевич Головкин родился в 1949 году в г. Иркутске, окончил физический факультет Иркутского государственного университета в 1971 году, старший научный сотрудник Института солнечно-земной физики Сибирского отделения РАН, кандидат физико-математических наук. Специалист по физике Солнца и солнечно-земных связей, автор более 100 научных работ. Стихи и проза опубликованы в «Журнале ПОэтов» (Москва), журнале «Сибирь» (Иркутск), на портале «Русский переплет». Статья «Гуманизм и христианство: диалог» опубликована в журнале «Здравый смысл» в 2009 году. Финалист литературного конкурса Российского союза писателей «Поэт года-2018».

¹ А. М. Мелихов. Наука немислима без поэзии // Звезда, 2007, № 5.

го чудака? И Пушкин был среди лицеистов. Но — стоп! — это Пушкин в юности, а в пору зрелости он написал строки: «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенный дух! И опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг...» И «ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума!»

Итак, солнце поэзии — Александр Пушкин. И Солнце науки, освещающее своим нестерпимо ярким светом самые темные закоулки бытия. Если человечество желает продолжаться, без науки не обойтись. Без полной гармонии с природой не обойтись, ибо человек появился как часть природы, а часть стать больше целого не может. Даже простой арифметический подсчет показывает: строя свою жизнь за счет возделывания земли для пропитания, на планете могло бы прожить не более полумиллиарда человек. А живет в пятнадцать раз больше. Поэтому реально не только Земля — дом человечества, но и наука с ее технологиями — тоже дом человечества. А дом разрушать нельзя.

Физики-лирики

Был когда-то и я «юношей бледным со взором горящим», когда выбрал для учебы физический факультет университета и после его окончания стал работать в науке, в основном в астрофизике. Есть интерес и способности к точным наукам, но есть также интерес к поэзии и литературному творчеству. В ту пору выбора пути, это было в 1966 году, в Иркутске жили и работали два ученых-физика, которые проявили себя как яркие творческие личности и пользовались известностью. Ученый Андрей Иванович Галкин был славен как капитан команды КВН «Солнечные пятна», уверенно одерживавшей победы, а сами состязания команд транслировались по местному телевидению. Второй физик, профессор Эдуард Соломонович Казимировский, был блестящим оратором на традиционных вечерах встречи выпускников нашей 11-й школы, лучшей школы Иркутска в то время. Мне хотелось работать вместе с этими людьми — вообще, их собралась целая плеяда — в недавно созданном тогда академическом институте, и это состоялось. Не могу не упомянуть Георгия Вячеславовича Куклина — моего руководителя аспирантуры и выдающегося ученого, высококультурного и широко эрудированного человека. Я думаю: так будет и впредь, на выбор молодых будут влиять образы будущих наставников. Поэтому я хотел бы рассказать о трех ученых, которые своим примером привлекли в науку множество одаренных молодых людей.

С Алексеем Максимовичем Фридманом мы работали в Сибирском институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн СО РАН (с 1992 года Институт солнечно-земной физики СО РАН) — с 1971-го по 1979 год. Хотя по работе мы не соприкасались, мне запомнилось одно заседание институтского теоретического семинара, который организовал и вел Алексей Максимович. Выступал Виктор Михайлович Григорьев на тему о тонкой структуре магнито-плазменных образований в атмосфере Солнца. Меня тогда приятно удивила способность Фридмана с ходу вникать в проблематику малознакомой области исследований и предлагать свои интерпретации результатов. Впоследствии Алексей Максимович переехал в Москву, став заведующим отделом в Институте астрономии РАН, академиком, трижды лауреатом Государственной премии. Особенностью этого беззаветно преданного науке человека был глубокий и постоянный интерес к поэзии на протяжении всей его жизни. Его товарищ по учебе в Новосибирском университете и аспирантуре ИЯФ СО РАН Владимир Евгеньевич Захаров, будущий академик и поэт, подогревал интерес Фридмана к поэзии. Как и он, Фридман достиг в стихотворчестве хорошего уровня, о чем свидетельствует, например, его стихотворение «Руки»:

Стареют раньше руки: мы их видим.
Лицо нам заменяют зеркала.

В обратном, искаженном, плоском виде
 Зеркальной сказкой молодость прошла.
 А руки... В шрамах, линиях, узорах,
 В подробностях... Они и в смертный час,
 Уложенные накрест перед взором, —
 Последнее, что видит влажный глаз...

Это одно из многих стихотворений, любовно сохраненных его дочерью Тэмой Алексеевной Фридман и опубликованных в книге «А. М. Фридман — ученый и не только» в 2012 году².

Жизненный путь Владимира Евгеньевича Захарова очень интересен. Он воспитывался в семье, где часто звучала поэзия, а его мать помнила выступления Владимира Маяковского, на которых побывала. Учась в средней школе, Владимир прочел книгу поэта и математика Сергея Боброва «Волшебный единорог», пробудившую его интерес к математике. Он овладел дифференциальным и интегральным исчислением еще в восьмом классе, опережая сверстников, а позже блестяще выдержал собеседование с академиком Г. И. Будкером, принявшим его в штат Института ядерной физики СО РАН. Там он работал в одной комнате с А. М. Фридманом и А. А. Галеевым. Поэзия осталась главным увлечением Владимира Евгеньевича и в пору зрелости, когда он стал академиком, директором Института теоретической физики РАН. Он выпустил несколько поэтических сборников, опубликовал подборки стихов в литературных журналах.

Третий ученый, о котором стоит здесь рассказать, — выдающийся советский астрофизик, создатель научного направления «Радиоастрономия» Иосиф Самуилович Шкловский. Как и Фридман, он был страстным любителем поэзии и хорошим художником. Читатели книги «И. С. Шкловский. Разум. Жизнь. Вселенная»³ могут видеть его многочисленные рисунки. Он был и талантливым популяризатором науки. Известна его книга рассказов из своей жизни, которые он называл новеллами, — «Эшелон» (1991) Но более всего известны его книги «Физика солнечной короны», «Звезды: их рождение, жизнь и смерть», «Разум. Жизнь. Вселенная». Тамара Константиновна Бреус, физик и космобиолог, сказала следующее: «При чтении написанных доктором профессиональных книг по астрофизике у меня возникало такое же ощущение, как при чтении его новелл. Они вдохновляли, увлекали, читались как бестселлеры, только были о жизни и смерти Звезд, Вселенной и Разума... Ничего подобного мне не попадалось».

В этом пункте мы подходим, наверное, к главному. Ученый-художник, владеющий и гуманитарной, и естественно-научной культурами, создает нечто, например, книгу, увлекающую многих. Это — сфокусированная точка человеческой культуры. Ее достигли А. М. Фридман, В. Е. Захаров, И. С. Шкловский. Кроме того, все трое обладали активной жизненной позицией. Алексей Максимович искал приложения своей теории к предсказанию землетрясений и защиты от цунами. Иосиф Самуилович, находясь в 1976 году в многодневном таежном походе по северу Байкала, в часы отдыха погружался в вычисления экономической эффективности продажи чистойшей байкальской воды. После того он обращался с предложениями в партийные и советские органы, но они остались без ответа. В то время шла эпопея строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, и лекторы вещали о необходимости его для производства кордной целлюлозы, нужной для шин самолетов. Эта цель достигнута не была, кордная целлюлоза закупалась за рубежом и позднее была успешно заменена синтетической. А отходы БЦБК до сих пор лежат в накопителях как некая химическая бомба, угрожающая уни-

² А. Б. Михайловский, А. А. Боярчук (ред.-сост.). А. М. Фридман — ученый и не только. — М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2012. 704 с.

³ Т. К. Бреус, Л. И. Гурвиц. (ред.-сост.). И. С. Шкловский: Разум. Жизнь. Вселенная. М.: ИКИ РАН, 2019. 423 с.

кальному озеру. В то время Андрей Вознесенский написал стихотворение с риторическим вопросом: «Так неужели наука солгала над запрокинутым взором Байкала?» Она не лгала ни тогда, ни сейчас. Вдоль берегов озера в последние годы расплодилось нитевидная водоросль спиросира, и ученые-лимнологи выяснили, что это — эффект от применения населением прибрежных поселков фторсодержащих стиральных порошков. Об этом недавно поведал занимавшийся этим вопросом заместитель директора Лимнологического института СО РАН Олег Анатольевич Тимошкин.

А. М. Фридман и И. С. Шкловский не были соавторами научных работ, но их объединяла любовь к поэзии. В 1984 году они встретились на конференции по физике галактик в Феофании и сбежали оттуда на время в центр Киева, по словам Фридмана, «поразматься в поэзии». Это был стихотворный четырехчасовой марафон, состоящий в том, что один начинает читать наизусть стихотворение, а другой с половины его продолжает. Тематических и временных ограничений при выборе стихов не было, а публикация на русском языке в доступном издании было единственным условием. По предложению Шкловского, штрафные очки начислялись, если соперник не сможет закончить стихотворение. На удивление никто не получил штрафного очка.

В 1982 году писатель и профессор физики Василий Федорович Ноздрев издал массовым тиражом книгу «Муза в храме науки»⁴. В этом сборнике стихотворений были представлены ученые-поэты — люди разных судеб и направлений, в том числе выдающиеся деятели науки. Ученый-энергетик Глеб Максимилианович Кржижановский, чей русский текст «Варшавянки» стал гимном революции 1905 года. Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский, энтомолог и зоогеограф, и его проникновенная пейзажная лирика. Владимир Петрович Филатов, крупнейший офтальмолог, провозгласивший: «Ждите, верьте, дети ночи: будет миг, и ваши очи навсегда покинет тень!» Александр Леонидович Чижевский, основатель космической биологии, чье поэтическое творчество получило одобрение В. Маяковского и В. Брюсова. Дмитрий Сухарев (Д. А. Сахаров) — известный ученый-нейробиолог и в то же время известный поэт. Марина Лаврентьевна Попович — легендарная летчица, кандидат технических наук, известная многими публикациями своих стихов. Академик Александр Николаевич Несмеянов, создавший положенную на музыку и неоднократно исполнявшуюся «Оду Московскому университету». Географ Николай Николаевич Карпов, чья песня «Едкий дым создает уют, искры тлеют и гаснут сами, пять ребят о любви поют чуть охрипшими голосами...» стала популярной во всей стране. В написанном В. Ф. Ноздревым предисловии к сборнику есть такие строки: «Теперь нам хорошо известно, что творческая работа в науке и искусстве подведомственна различным центрам нашей мозговой деятельности, чем и объясняется возможность успешной работы в науке и искусстве одной и той же личностью...»

Реквием по жанру научно-художественной литературы?

Важной темой я считаю судьбу жанра научно-художественной литературы, основанного Олегом Писаржевским, Галиной Башкировой, Борисом Агаповым, Даниилом Даниным и другими в 60-х годах. Эта группа литераторов опубликовала довольно много произведений этого направления в тематических сборниках «Пути в неизвестное: писатели рассказывают о науке» и в отдельных авторских изданиях — например, «Взбирается разум» Бориса Агапова. В дискуссии об определении жанра эти писатели пришли к согласованному мнению: в качестве героя здесь выступает человек, познающий природу. История крупных научных открытий, биографии выдающихся ученых во всей полноте их связи с практической жизнью отражаются в произведениях этого жанра.

⁴ В. Ф. Ноздрев (ред.-сост.). Муза в храме науки. М.: Советская Россия, 1982. 240 с.

Его возникновению способствовала общественная атмосфера, в которой жила дискуссия «о физиках и лириках», запалом которой послужило стихотворение Бориса Слуцкого со строкой «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне, дело не в сухом расчете, дело в мировом законе». Оно было написано спустя два дня после публикации в «Комсомольской правде» письма инженера Игоря Полетаева о том, что физика стала важнее поэзии, вызвавшее бурю откликов.

Своеобразный итог массовой дискуссии на тему, что важнее — физика или лирика, подвела книга известного филолога, пушкиноведа Бориса Соломоновича Мейлаха «На рубеже науки и искусства» (1971). В 1972 году я побывал на его лекции в Иркутске. Он призывал ученых к взаимодействию с искусством и его творцами, к глубокому изучению произведений искусства методами точных наук. Предлагал присылать работы в адрес созданной им комиссии АН СССР по комплексному изучению художественного творчества. Помнится, на той встрече один молодой иркутский ученый поднимал вопрос, как наука может помочь в разоблачении фальсификаций творений мастеров.

Возникает вопрос: если это общественное течение так ярко и мощно проявилось тогда, то как обстоят дела сейчас? При этом я не склонен к пессимистическим оценкам, но, увы, мои коллеги-физики время от времени говорят, что вспоминают и перечитывают романы и повести Вениамина Каверина и Даниила Гранина о людях науки и не находят подобных произведений в современной литературе. Есть некоторые проблески света в конце тоннеля, дающие надежду. Американец Дэн Браун с его популярными триллерами, например, его «Код Да Винчи» одно время стал самой распространенной книгой после Библии. Любопытно, что сам Дэн Браун не стесняется раскрывать секреты своего творчества, главный из которых — идея отразить попытки раскрытия глубоких вековых тайн истории автором в ходе создания книги, а далее — увлечь этим читателя. Возможно, и у нас появится такой новый популярный автор научно-художественной прозы.

Большая литература не обходила науку, по выражению Альберта Эйнштейна драму идей, своим вниманием. Читая роман Толстого «Анна Каренина», пристальный читатель заметит, что государственный деятель Алексей Каренин в своих докладах и инициативах основывается на объективных научных данных. Максим Горький, яркий гуманист, в своей формулировке «Социалистический реализм ставит целью развитие ценнейших способностей человека ради его победы над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле» не решился заменить первые два слова на «гуманизм», но мы можем сделать это сами. Александр Пушкин прославлял науку как часть просвещения, а в последние годы как издатель «Современника» дружил и консультировался с бароном Шиллингом, изобретателем телеграфа. Классик советской литературы Леонид Леонов в романе «Русский лес» отразил борьбу двух точек зрения на лесные ресурсы России. Валерий Брюсов занимает особое место в русской поэзии: поддержав концепцию научной поэзии французского поэта Рене Гиля, он создал известные стихотворения «Мир электрона», «Сонет к форме», «Мир N измерений» и другие, вошедшие в сборники «Меа» и «Дали». Они стали первыми образцами научной поэзии на русском языке.

Продолжая традицию внимания к жизни науки, Иван Ефремов — ученый, создатель научного направления на стыке геологии и палеонтологии — создал замечательные произведения прозы и научной фантастики, ставшие популярными в СССР. Молодежь в то время зачитывалась научной фантастикой И. Ефремова, А. Беляева и С. Лема. На этой волне общественного интереса появились произведения о жизни науки, опубликованные Иосифом Герасимовым и Игнатием Дворецким. В 1965 году они приехали в Иркутск, а затем в сопровождении иркутского писателя Бориса Лапина — на высокогорную Саянскую солнечную обсерваторию. Итогом той поездки стал роман Бориса

Лапина «Черное Солнце» и сценарий шестисерийного телевизионного фильма «Солнечный ветер» Игнатия Дворецкого.

Съемки фильма проходили в Москве, Иркутске и в высокогорной Саянской солнечной обсерватории. Весной 1981 года туда приехала бойкая команда съемочной группы. Зайдя в столовую обсерватории, познакомились там с астрофизиками актеры Николай Еременко, Анна Каменкова, Светлана Пенкина. На вершине горы, где стояли телескопы, была построена длинная лестница для съемки сцены, в которой Надя Петровская в исполнении Анны Каменковой поднимается из тайги прямо на телескоп. Позднее мы увидели ее на экране — в семье, на работе в лаборатории. Обладая сильным характером, Надя убеждает руководителей института Николая Званцева и Сергея Пономарева помочь организовать новое научное направление. Она проходит трудный путь, со взлетами и временными поражениями, завершившийся блестящей защитой диссертации.

На пути к высокому гуманизму

Есть тема, которую трудно обойти, обсуждая взаимодействие науки и искусства. «Человек — творческая личность» — формула, которую можно считать неофициальным девизом гуманизма — широкого идейного течения, существующего от средних веков до настоящего времени. Однако до сих пор конкурентом светского гуманизма в идейном пространстве является религия. Читатели романа Карла Сагана «Контакт» (1985) наверняка заметили, что когда на всепланетном совете принималось решение, кого именно послать в глубокий космос для контакта с неземной цивилизацией, рассматривались два кандидата: астрофизик Элли Эроувэй и философ-священник Палмер Джос. Благодаря стечению обстоятельств в чудесном корабле полетела Элли. Наука или религия? — эта дилемма существует с незапамятных времен, и простого ответа нет. Но есть некоторые соображения, которыми можно поделиться.

Публицистическая направленность статьи «Гуманизм и христианство: диалог»⁵ состояла в призыве к диалогу между двумя течениями общественной мысли при решении принципиальных социально-этических и государственных проблем. На эту публикацию откликнулись представители православной церкви: на сайте миссионерского центра имени протоиерея Даниила Сысоева была воспроизведена эта статья и опубликованы отзывы. Некоторые дискуссии, в частности в цикле передач «Культурная революция» Михаила Швыдкого, состоялись в СМИ и на различных сайтах Интернета. Однажды я присутствовал на философском семинаре, где обсуждалась тема «Что такое человек?», и ощутил, что было бы желательным участие там православного священника. Один молодой человек поднял такой вопрос: какой мыслитель сформулировал, что настоящий человек должен вести себя добродетельно? Он сказал, что видит много примеров аморального поведения некоторых людей, дающего им жизненный материальный успех.

Совершим экскурс в область философии⁶. Гуманизм можно характеризовать как мировоззрение, основанное на следующих принципах: человек — высшая ценность; благо человека — суть и содержание общественных отношений; человек имеет право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей; человек — творческая индивидуальность. Гуманизм как мировоззренческий и методологический принцип лежит в основе бытия современной индустриально-информационной цивилизации. Этот принцип воплощается в трех основных категориях: общечеловеческие ценности; права человека; идеал всесторонне развитой гармоничной личности.

⁵ А. А. Головкин. Гуманизм и христианство: диалог // Здравый смысл, 2009, № 3 (52), с. 32–35.

⁶ Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Основы современного гуманизма: Учеб. пособие для студентов. — М.: РГО, 2002. 389 с.

Выступление патриарха Кирилла «Права человека и нравственная ответственность»⁷ на X Всемирном русском народном соборе в 2006 году содержит анализ использования концепции прав человека в современном мире. Автор признает, что человек обладает полной автономией в принятии или неприятии тех или иных правил поведения. Христианство не оспаривает этот тезис светского гуманизма. Оно оспаривает утверждение о способности человека автономно делать выбор, соответствующий его настоящему благу: человек в состоянии греха не всегда может распознать добро и зло. Бог помогает человеку сохранить эту способность распознавания через Свое Откровение.

В полемике с христианством ученые рассматривают соотношение научного познания и веры. Ученый может быть уверенным в своих результатах при их тщательном экспериментальном обосновании, но если под напором новых фактов теория оказывается неверна, он ее отвергает. В религии же вера — основное, фундаментальное понятие.

Понятийный аппарат науки в принципе не имеет терминов религиозного происхождения. Физик или химик описывает и математически рассчитывает объективную реальность на основе выводимых научных понятий и уравнений, законов природы. В физике это понятия массы, энергии, импульса, гравитационного и электромагнитного полей, элементарных частиц. Они необходимы в физическом описании явлений. Если бы электрон не был реальностью, от этого понятия давно бы отказались, как в свое время отказались от таких понятий, как флогистон, мировой эфир, геоцентрическая система мира. В число необходимых понятий не входит понятие Бога. Встречаются иногда в научных статьях замечания наподобие «это знает только Господь», но они играют декоративную роль. Естествоиспытатель уверен, что любому непонятному явлению рано или поздно будет дана научная интерпретация.

Что же касается отношения к религии, ученый гораздо более склонен слушать историка или психолога, чем священнослужителя. Он с интересом прочитает книгу Ч. Додда «Основатель христианства» и задумается об исторических корнях возникновения христианской религии, прочитает работы психологов о процессах мифотворчества, создания вдохновляющих человека иллюзий. Совершенно нереалистическими ему представятся воззрения о сотворении мира за шесть дней. Догматический характер религиозного учения, следование созданным когда-то в древности, в эпоху неразвитой науки, легендам органически чужд духу научных исканий.

Вместе с тем вдумчивый ученый должен признать существование людей, верующих в Бога, и понимать мотивы их поведения, строй их мышления. Ученый должен мучиться угрызениями совести за неизбежные в жизни свои этические ошибки и вследствие этого осознавать силу моральных норм. Он должен чувствовать ответственность за использование результатов открытий, выступать за «очеловечение» науки. Можно только радоваться тому, что руководители Российской академии наук не отказывались от встреч с иерархами Русской православной церкви и такие встречи состоялись.

Сказанное выше внушает надежду, что существующие противоречия между гуманизмом и христианством будут разрешаться или, по крайней мере, сглаживаться в ходе развитого диалога этих двух областей культуры.

Правильное представление о происхождении норм человеческой морали чрезвычайно важно для рассмотрения круга обозначенных здесь проблем. Мы должны иметь мужество спросить: действительно ли необходимо быть религиозным, чтобы быть моральным и уважаемым гражданином? Гуманизм и христианство дают различные ответы на этот вопрос, вызывающий острые дискуссии. Среди людей верующих встречается точка зрения, что падение нравов связано с отсутствием духовности, причем имеется в виду религиозная духовность.

⁷ Митрополит Кирилл. Права человека и нравственная ответственность. Выступление на X Всемирном Русском Народном Соборе // Сибирь, 2006, № 318/3, с. 178–186.

Люди, которые не придерживаются религии и которым удается жить в гармонии с другими членами общества, сохранять благотворные связи со своими семьями и находиться в мире друг с другом и с природой, не ощущают себя аморальными. Но, может быть, это — узкое тщеславие?

Мыслители античных времен высоко ценили значение человеческого знания. Демокрит, Аристотель, Эпикур утверждали, что этические суждения могут быть выведены при помощи рассудка и мудрости, обеспечивая таким образом постоянную жизнь добродетели.

Христианская церковь в средние века сильно изменила этот образ мышления. Джон Локк, первый сформулировавший демократические принципы в конце XVII века, писал, что обещания, договоры и клятвы, которые являются связующими узлами человеческого общества, не могут держаться на атеизме.

Современная светская философия считает возможным обнаружить и объяснить вне-религиозные исторические и социальные корни морали через достижения и исследования в области археологии, антропологии, психологии. Она заключает, что человеческая этика определяется развитием нашей биологии, общением, нашей потребностью в кооперации и сотрудничестве для адаптации и выживания в мире. Академическое рассмотрение приводит к выводу, что религиозные этики являются этиками, очищенными от своего социального и эмпирического происхождения, то есть мистифицированными естественными этиками, а не наоборот, учениями о морали, очищенными от религии. Религия влила в нравственность очарование таинства и чуда, сделав так, чтобы непонятное казалось понятным в знании, незаметно формировавшемся с древних времен. Поэтому роль религии в сохранении и развитии человеческой культуры очень велика. Например, в период так называемых темных веков, последовавших за падением античных империй, только в монастырях сохранились научные и культурные ценности.

Гуманизм утверждает, что моральные ценности имеют в качестве своего источника человеческий опыт. Предписания и нормы разнородного общества согласуются с нормами, характерными для доминирующей религиозной группы в пределах этого общества, но существует общая основа, потому что это социальный, житейский императив, а не потому, что она была сообщена Богом или другим священным моральным авторитетом.

Зададимся вопросом: можно ли в художественной литературе найти образцы высокого гуманизма, который смыкается с гуманностью и не уходит от диалога с христианством? Остановимся здесь только на одном имени — на имени А. С. Пушкина. Философское содержание творчества Александра Пушкина часто называют «христианским гуманизмом». Стоящие рядом столь различные понятия христианства с одной стороны и светского гуманизма с другой могут показаться несовместимыми, однако это впечатление поверхностно. Высокий гуманизм как раз призван раскрепостить творческие способности человека, не сокрушая традиционных ценностей. То, как это удалось Пушкину, часто связывают с «тайной» его личности. Проникновение в эту «тайну» и возможно, и необходимо.

В стихотворении «Демон» Пушкин писал: «Когда возвышенные чувства, свобода, слава и любовь, и вдохновенные искусства так сильно волновали кровь...» Служение четырем богиням — Славе, Свободе, Музе и Любви — можно найти и во французском романтизме, и в творчестве Байрона и Гёте. Однако у Пушкина эти понятия совмещены с особенной, только ему свойственной, великодушной человечностью. В стихотворении «Памятник» он писал: «...чувства добрые я лирой пробуждал... и милость к падшим призывал». Христианское чувство сострадания часто соединялось у Пушкина с сочувствием и совместной радостью, образуя тот этический фон, на котором утверждалось поклонение указанным четырем богиням. В прозе Пушкина мы находим то внимание, то участие к судьбе маленького или оскорбленного человека, которое в дальнейшем прослеживается во всей русской литературе XIX века. Чего стоит одно только описание

жизни станционного зрителя! Почва окружавшей его русской жизни была пронизана православными христианскими традициями, и их влияния оказалось достаточно, чтобы сформировался особенный гуманизм Пушкина.

Сказанное выше убеждает нас в существовании двойной опасности: скатывания либо к полному «торжеству» гуманизма, либо к «победе» христианства над гуманизмом. Достигнутое ныне хрупкое равновесие может быть потеряно. Сделать воинствующий атеизм вновь нормой жизни означало бы новое разрушение церкви. Столь же опасно попрание гуманизма: это означало бы потерю уважения к науке, разуму, свободе совести и превращение России в отсталую страну «третьего мира». Наиболее правильной линией в идейной сфере было бы развитие диалога гуманизма и христианства, реализация определенной платформы взаимоотношений между ними.

Прочтение многочисленных материалов, содержащих критику христианства, создает впечатление, что недалек тот день, когда христианское мировоззрение станет полностью устаревшим. Но это — поверхностное впечатление. В статье «Совместимы ли наука и религия?»⁸ деятель гуманистического движения Пол Куртц дает ответ на вопрос, существует ли собственно религиозная область идейного пространства. В самом деле, объективные представления об окружающем мире и человеке формируются наукой; нормы морали, человеческого общежития в основном сформировались в те времена, когда не было развитых религиозных систем, что тоже подтверждено наукой; решения в политической области принимаются в основном без участия религиозных организаций — что же остается на долю религии? Отвечая на этот вопрос, Пол Куртц называет следующее: «Это область возвышенного, образного, эмоционального. Религия воплощает собой поэзию добра, эстетическое вдохновение, драматическое выражение наших экзистенциальных надежд и упований». Полным ответом названное не является, но место религии, на наш взгляд, верно обозначено.

Наиболее сильное противоречие между гуманизмом и христианством заключается в различной оценке роли церкви и ее институтов. Согласно христианскому учению, человек после совершения первородного греха не может без помощи Божьей различать добро и зло и возрастать в своем достоинстве, все больше и больше уподобляясь Богу. Помощь Божью ему оказывают церковь Христова и Священное Писание. Гуманизм не согласуется с этим утверждением; гуманисты считают, что духовность необязательно должна быть религиозной. Это — глубокое противоречие, и вряд ли оно может быть разрешено легко.

Гуманизм и христианство сходятся в признании ценности всякой человеческой личности и в признании норм общечеловеческой морали, выраженной в Нагорной проповеди Христа, а также в признании добродетельного и здорового образа жизни как условия достижения жизненного успеха. Для того чтобы помочь рядовому человеку найти правильный путь, гуманизм и христианство должны получить четкое объективное представление о доминирующей жизненной философии индивида. Человек обычно развивает свои способности, обеспечивающие ему достойный уровень жизни, и мало заботится о проблемах высшего порядка, например об экологии своего поведения. Разумный эгоизм здесь помочь не может. Высокий гуманизм — да!

В характеристике степеней человечности обратимся к Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля⁹: «Как животное отличается от растения осмысленной побудкой и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью, и образует не род и не вид животного, а царство человека. Посему нередко человек значит существо, достойное этого имени. Человек плотский, мертвый, едва отличается от животного, в нем пригнетен-

⁸ П. Куртц. Совместимы ли наука и религия? // Здравый смысл, 2003, № 1 (26), с. 31–34.

⁹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Мир книги, т. 2, с. 276.

ный дух под спудом; человек чувственный, природный, признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус впадает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине, цель его — вечность, закон — совесть, в искусстве побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину, цель его — царство Божье, закон — духовное чутье, искушения он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его». Как видим, языком народным здесь замечательно выражена мысль о различии степеней человечности. В высшей степени — человек благодатный — угадывается верующий. Однако человек духовный чрезвычайно близок к нему, и резких противоречий, препятствующих диалогу, между ними быть не должно.

Какой же диалог складывается между гуманизмом и христианством? В приведенном выше рассмотрении можно заметить элементы заочного диалога, но встречается и враждебное отношение деятелей того и другого лагеря друг к другу. Такое положение дел не соответствует ни требованию гуманности и уважительности по отношению к оппоненту, ни христианскому принципу «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Есть ли Бог?

На этот вопрос философский ответ таков, что не существует доказательства его существования, но нет и доказательства того, что его не существует. Есть также мнение, что существует обширное идейное пространство между фанатичной верой в Создателя и атеизмом, и в этом состоянии полуверы находится огромное множество современных людей. Также для думающего человека интересны ответы различных людей на этот вопрос, так как эти ответы многое говорят о личности отвечающего.

Во времена юных пионеров, в рядах которых побывал и я, часто возникала ситуация, когда старая бабушка спрашивает внука: вот ты учишься, все больше знаешь, скажи — есть Бог? И пионер гордо отвечает: его нет! «Вон как пошло!» — отвечает озадаченная бабушка, но это не означает, что она согласилась с мнением внука, а означает, что она ощущает приход лихой беды, когда все дозволено и люди забыли о возможной Божьей каре за грехи.

Другая ситуация возникла во время моей беседы с группой пожилых американцев — участников образовательного тура по озеру Байкал. Тогда я задал вопрос: насколько много верующих в Бога в кругу общения американцев? И один из них ответил, что у них преобладает позиция *secular humanism* — светского гуманизма, хотя многие посещают церковь и общаются со священниками. И добавил, что в античном мире, когда научные представления о природе еще не получили развития, люди связывали такие явления, как гроза, молния, ураган и т. п., с проявлениями воли различных богов. Это заставило меня улыбнуться, ибо такое пояснение возникновения религий я услышал в 1956 году на уроке природоведения из уст моей первой учительницы Веры Флоровны Олейниковой, которую до сих пор помню и люблю.

Как отвечают на вопрос о существовании Бога современные выдающиеся российские ученые, которых мы хорошо видим и слышим — обязательно очно, но посредством телевидения и совершенно достоверным записям интервью в сети Интернет? Академик Жорес Иванович Алферов, лауреат Нобелевской премии, на это сказал, что, получив атеистическое советское воспитание и будучи естествоиспытателем, всю жизнь не имел склонности довериться религии. Но по прошествии многих лет, уже в преклонном возрасте, стал чувствовать, что какое-то стороннее влияние есть. Академик Владимир Евгеньевич Захаров ответил на аналогичный вопрос более полно. В юности его привлекла идея детерминизма Лапласа, согласно которой, обладая знанием о координатах и импульсах всех элементарных частиц, решая для каждой кинетическое уравнение, можно получить полное предсказание положений частиц в следующие моменты времени

и таким образом точно предсказать будущее. Но позднее он прочитал работы физиков о ситуациях, в которых малые флуктуации могут вызвать большие отклонения траекторий частиц, и, таким образом, предсказание абсолютно невозможно. Есть область применения детерминизма в небесной механике, где в расчетах довольно точно предсказываются орбиты планет и обстоятельства затмений, но и там возможны непредвиденные ситуации в отдаленном будущем. Далее В. Е. Захаров сказал, что, углубляясь в научные исследования, он должен был бы отказаться от какой-либо роли Бога в то, что происходит, но произошло обратное! Размышляя о возможности глобальных катастроф вследствие действий психически неуравновешенных людей, которые нашли бы доступ к управлению мощным оружием, таким, как ядерная бомба, он пришел к выводу, что существует некая внешняя сверхъестественная сила, останавливающая их и мешающая это сделать.

Давайте задумаемся: а есть ли внутри человека источник повышенной ответственности в критические минуты? Конечно, есть совесть и категорические императивы. Нейрофизиологи, изучающие человеческий мозг, определили в нем участки, ответственные за логику, рассудок, эмоции, а также за религиозное сознание. Не есть ли это древняя область, связанная с инстинктами самосохранения вида? Если разворошить муравейник, мы видим, как сотни муравьев быстро восстанавливают его, повинувшись такому инстинкту. И у человека, социального индивидуума, должны быть инстинкты самосохранения сообщества.

Источник сознательности — тема, присутствующая в творчестве Федора Михайловича Достоевского. И в «Братьях Карамазовых», и в «Преступлении и наказании», и в «Идиоте» есть эпизоды, в которых человек — не закоренелый преступник — совершает преступление или близок к нему. При этом он входит в состояние лихорадочно-го возбуждения или помешательства, что указывает на действие глубинного инстинкта. По моему мнению, именно Достоевский открыл существование этих глубинных инстинктов, защищающих человека от ошибочных действий, и вместе с тем оправдал существование религии и ее организаций как форму социальной организации, идейно поддерживающей сознательность и добродетель массы людей.

Строя свою жизнь, мы верим в продолжение существования человечества, и если выбираем гуманизм, стремимся развивать творческие способности и активную жизненную позицию. Как сказал недавно философ Валерий Александрович Кувакин, гуманизм выражается не только в индивидуальном сознании, но и общественном, призывая социум создавать условия для полноценной деятельности каждому человеку.

С точки зрения антропологии человек обладает огромными способностями, обычно не раскрываемыми в течение жизни. Об этом свидетельствует и колоссальная творческая продуктивность гениев, и массовый трудовой и боевой героизм народа в военные годы, и неординарные способности «людей-счетчиков», великих спортсменов. И Алексей Максимович Фридман, и Иосиф Самуилович Шкловский работали в режиме творческого горения многие годы, стимулируя учеников своим примером. Наука может дать ответ на жгучие проблемы бытия человечества: например, замена топливной энергетики на солнечную энергетику — а в 2020 году производство солнечных батарей достигло уровня рентабельности — очистило бы атмосферу городов и решило проблему загрязнения атмосферы. Да, в истории бывало так, что военная опасность подхлестывала людей к интенсивной работе. Но побудительной силой может стать не только военная ситуация, но и культура гуманизма, работы над собой, самосовершенствования. Если говорить о России, то разве не взлет русской культуры в XIX веке, ее великие писатели, художники, композиторы до сих пор поддерживают авторитет нашей страны в мире? И если мы говорим о поиске русской национальной идеи, то не есть ли это культура высокого гуманизма?